

В.И. МОЛОДИН

Сибирские археологи каждый день «поля» ценят как драгоценность: лето здесь короткое, даже если прихватить часть весны и осени. Но «коронавирусный» 2020-й складывался особенно непросто. Участники Западносибирского отряда Института археологии и этнографии СО РАН долго оставались в неведении, поедут они в экспедицию или нет. «Сидеть и ждать у моря погоды» было особенно обидно, так как благодаря грантам экспедиция была финансово обеспечена на весь полевой сезон. К счастью, в июне эпидемия пошла на спад, и Министерство науки и образования РФ разрешило проводить научно-исследовательские экспедиции, и, хотя месяц работы был потерян, впереди археологов ждали три месяца раскопок. И новые открытия...

Глиняный «Идол» урочища ТАИ

Ключевые слова: Центральная Бараба, археология, Усть-Тартас-1, -2, одиновская культура, глиняная фигура (личина).

Key words: Central Baraba, archeology, Ust-Tartas-1, -2, Odinovskaya culture, clay figure (face)

Эта необычная глиняная фигурка была обнаружена новосибирскими археологами в могильнике одиновской культуры эпохи ранней бронзы. 2020 г. Усть-Тартас-1, -2

Венгеровский район Новосибирской области, где планировалась наша экспедиция, расположен в Центральной Барабе. Западносибирский отряд ИАЭТ СО РАН работает здесь уже не один десяток лет, поэтому все знакомо и дорого: и люди, и природа, и археологические памятники.

Конечно, от нас потребовали соблюдения особых правил проведения работ, включая справки, масочный режим и ограничение контактов с местным населением. Но, несмотря ни на что, добро на экспедицию было получено! Пусть сорвались археологические практики студентов, пусть не все добровольцы смогли присоединиться к отряду, у нас оставался мощный костяк: сотрудники института, друзья и единомышленники, а также студенты из НГУ, НГПУ и ТГУ – энтузиасты и романтики, которые уже работали у нас раньше и имели нужный опыт.

В этот необычный полевой сезон перед отрядом было поставлено несколько конкретных задач. Во-первых, нужно было продолжить многолетние раскопки огромного археологического комплекса Тартас-1 (названного по месту расположения на одноименной реке). Там уже были получены интересные материалы по разным периодам эпохи бронзы (IV – начало I тыс. до н.э.) и исследована стоянка раннего неолита (VII тыс. до н.э.). По расчетам, работы оставалось еще сезона на три.

Во-вторых, требовалось продолжить исследования на недавно открытом местонахождении, названном Усть-Тартас-1, -2, где мы натолкнулись на несколько грунтовых могильников разных эпох и, главное, на совершенно уникальное святилище раннего неолита. Необходимы целенаправленные раскопки, чтобы найти недостающий участок этого ритуального комплекса,

так как геофизическая съемка этого места, к сожалению, не внесла особой ясности.

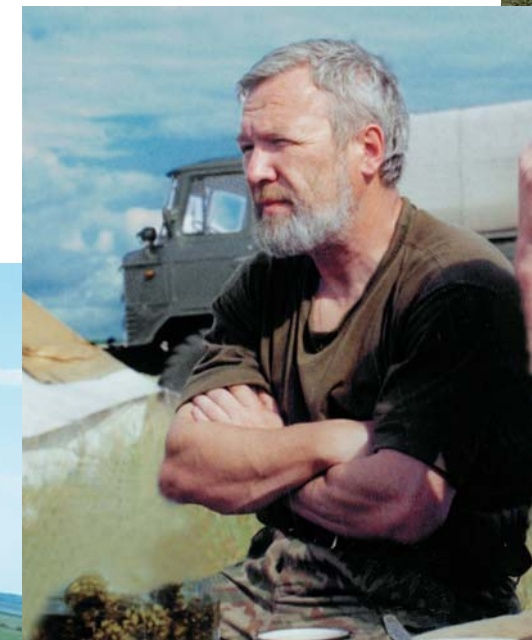
Наконец, нам хотелось провести разведку в окрестностях расположенного рядом с Венгерово урочища Таи – огромного пойменного луга, периодически затопляемого р. Тартас, вокруг которого во все времена бурно кипела жизнь. Собственно, и сами памятники Тартас 1 и Усть-Тартас-1, -2 располагаются на его надпойменных террасах, только на разных «берегах».

Итак – в поле! В конце июня отправляю первую группу для обустройства на месте. Дней через пять приходит долгожданное сообщение: «лагерь установлен, воду из скважины запустили, все здоровы, можно выезжать, ждем».

Наконец-то выезжаю сам. Чувство радостное, хотя и несколько тревожное, а в голове стихи Игоря Северянина:

«Весенний день горяч и золот, –
Весь город солнцем ослеплен!
Я снова – я, я снова молод!
Я снова весел и влюблен!

Душа поет и рвется в поле.
Я всех чужих зову на “ты”...
Какой простор! Какая воля!
Какие песни и цветы!...»

МОЛОДИН Вячеслав Иванович – академик РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, советник директора и заведующий отделом археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), профессор Новосибирского государственного университета. Лауреат Международной премии А. П. Карпинского (2000), Государственной премии РФ в области науки и технологий (2005), Демидовской премии (2016); награжден орденом «За заслуги перед Отечеством IV степени» (2014) и рядом других наград, в том числе ФРГ и Монголии. Автор и соавтор свыше 1700 научных работ, включая 36 монографий

© В. И. Молодин, 2021

Начало раскопок на археологическом памятнике Усть-Тартас-1, -2. 2020 г. Фото с дрона

Подарок Усть-Тартаса

...Полевая жизнь захватывает, так что время летит как никогда быстро. Вроде бы вот только приехали и устроились, начали раскопки сразу на двух объектах, а уже пробежали не только дни, но и недели. Ритм жизни отлажен и привычен, хотя из головы не уходят мысли об эпидемии. Живем, по сути, в полурезервации: и мы, кроме раскопов и магазинов, никуда, и к нам друзья-венгеровцы – очень редко.

Расписание стабильно. После завтрака несколько часов на статьи и книги, потом – на раскопы: сначала ближний Тартас-1, затем – дальний, куда бригада уезжает с обеда до вечера. Мобильный телефон позволяет моментально отреагировать и прибыть в «горячую точку», если того требует обстановка на раскопе. Как правило, каждый день приносит что-то новое, интересное для специалиста, но и обычный и хорошо знакомый материал требует внимания, поскольку именно за серийностью скрываются закономерности.

Но если на Тартасе все идет обычным чередом, то на Усть-Тартасе неожиданностей хватает. Работа там

идет сразу на нескольких участках. Верхние слои почвы уже убраны, в одном месте расчищают продолжение *ровика* (углубления в виде канавки, входящего в конструкцию неолитического святилища), в другом – работают с уже вскрытыми захоронениями. Эти погребения, судя по данным двух предыдущих лет, относятся к разному времени (и к эпохе неолита, и к разным культурам эпохи ранней бронзы) и к тому же местами налегают друг на друга, что усложняет дело. Важно разобраться, с чем мы сталкиваемся, и правильно идентифицировать комплексы. В противном случае возможны ошибки со всеми вытекающими последствиями...

...Телефонный звонок с Усть-Тартаса – всегда ожидаемый и всегда неожиданный: – Есть приятные новости!

В этом многоярусном захоронении *одиновской культуры* эпохи ранней бронзы № 65 похоронены четверо взрослых людей, один на другом. Здесь особенно интересны два верхних погребенных. На животе мужчины, лежащего на спине, лицом вниз лежит взрослая женщина. Оба погребенных завернуты в берестяные полотнища, которые, судя по всему, были подожжены уже в могиле. Огонь, по-видимому, бушевал недолго,

Раскопками на Усть-Тартасе занимается серьезная команда, в которую входят археологи из ИАЭТ СО РАН: доктора ист. наук Людмила Мыльниковская, Лилия Кобелева; кандидаты ист. наук Марина Нестерова, Дмитрий Селин, Мария Кудинова, Юлия Ненахова (все они ученики академика Вячеслава Молодина), а также аспиранты и студенты из Новосибирска и Томска

Чтобы увидеть, что скрывается под землей, нужно тщательно зачистить всю площадь памятника. Вверху – экспедиционный лагерь в березовой роще на протоке р. Омь. 2020 г. Усть-Тартас-1, -2

поскольку могилу закопали, однако лежащие в ней люди все-таки обгорели.

А вот и то, зачем меня так срочно вызвали. У левого плеча женщины лежат какие-то не вполне понятные предметы. Угадывается массивная скульптура человека, выполненная из глины. Ее покрывает костяная лопатка с отверстием с одного конца. Отчетливо видно, что предмет покрыт гравированным орнаментом. Такие изделия различных размеров и с разным орнаментом – явление эпохальное. Они встречаются в целом ряде культур эпохи ранней поры бронзового века (одиновской, кротовской, окуневской). Вместе с тем их назначение для археологов пока непонятно. Их считают и ложилами, и вязальными спицами, и накладками-усилителями на тело сложного лука, однако все объяснения предназначения таких изделий имеют свои плюсы и минусы. Приходится признать, что назначение этих предметов мы пока не вполне понимаем.

Наша «лопатка» разломана на две части. Умышлено или нет – определенно сказать сложно. Что особенно важно, и костяная лопатка, и глиняная скульптурка лежат *in situ*, то есть так, как их и поместили в захоронение, а это дает надежду разгадать смысл этого совершенно незаурядного комплекса.

Создан из глины

Разумеется, особое внимание сразу привлекла к себе глиняная фигурка. Как и ее умершая хозяйка, она была положена на живот, а голова обломана и помещена рядом, лицом вверх.

Отчетливо читались черты круглого лица без выраженных ушей, однако с большими глазами, ртом и массивным прямым носом, придающим выражению лица явную европеоидность. Черты лица, особенно в профиль, явно напоминают деревянные антропоморфные изваяния многочисленных народов Сибири: угров и самодийцев, кетов и эвенков (Иванов, 1979), а также литые личины Нарымского края, Приобья и Хакасии (Окладников, 1948). На щеках фигурки видна, по-видимому, татуировка в виде косых параллельных линий (три с одной стороны и одна – с другой). Шея короткая, едва читаемая.

Высота антропоморфа – 16,2 см, пол не выражен. Туловище вытянутое, прямое, без намеченной талии, руки длинные, почти до колен, при этом непроработанные; массивные кисти скорее напоминают лапы животного. Ноги непропорционально короткие с рельефно подчеркнутыми коленями и ступнями.

Погребальный комплекс № 65 – это многоярусное погребение, в котором были захоронены четыре взрослых человека. Сверху находились два захоронения: мужское и женское. Мужчина был погребен на спине, а на нем лицом вниз лежала женщина. 2020 г. Усть-Тартас-1, -2

Расчистка погребального комплекса № 65

Очень неожиданным оказалось наличие полости, идущей вдоль всей передней части туловища скульптуры, которая явно служила емкостью. Однако из всего содержимого этого вместилища сохранилась лишь тонкая бронзовая пластинка; остальное, вероятно, было органического происхождения и не дошло до наших дней. Впрочем, мы собрали находящуюся там землю, с которой сейчас работают химики.

Но самое поразительное – на лицо фигурки была надета маска, сделанная, по определению палеозоолога, канд. биол. наук С. К. Васильева, из суставной части позвонка лошади. И хотя лицевая поверхность маски обработана грубыми срезами, отчетливо угадывалась морда зверя с симметрично поставленными глазными впадинами и массивной пастью, напоминающей медвежью.

Вероятно, глиняная фигура была еще и дополнительно одета в одежду либо звериную шкуру, однако материал не сохранился, как не сохранилась бы и сама фигурка, будь она сделана из дерева.

Почему это так важно? Дело в том, что при раскопках могильника одиновской культуры на памятнике Сопка-2/4А, расположенном в месте впадения р. Тартас в Омь, была обнаружена аналогичная маска чуть меньшего размера, также сделанная из суставной кости лошади. В той могиле найдена и загадочная костяная накладка, орнаментированная резьбой (Молодин,

Результаты вскрытия погребального комплекса № 65 оказались неожиданными. У левого плеча погребенной там женщины угадывались очертания массивной антропоморфной скульптуры, на которой лежала костяная лопатка. 2020 г. Усть-Тартас-1, -2

2012). Не было только скульптуры, но так как могила была непо потревоженной, можно с уверенностью предположить, что и там находилась фигурка антропоморфного существа. Но если она была выполнена из дерева или мягких органических материалов, то могла просто не «дожить» до наших дней.

Все это позволяет сделать вывод, что у носителей одиновской культуры существовал какой-то загадочный обряд, связанный с помещением в могилу небольшого антропоморфного идола, предположительно, в медвежьей маске. Его было принято обеспечивать определенными предметами, включая характерную костяную накладку, предназначение которой неясно, и, по-видимому, «кормить». Очевидно, что этот идол не просто сопровождал покойную в иной мир: его еще и «умертвили», отломив и развернув в обратную сторону голову...

Понять и разгадать этот ранее неизвестный обряд непросто – это дело будущего. Но когда мы стояли над только что вскрытым погребением, то пребывали в полнейшей эйфории. Прямых аналогов найденному скульптурному изображению никто из нас не знал, да и все найденные рядом с ним предметы были совершенно уникальными – несомненный подарок в непростой полевой сезон!

Шаманские корни

Изучение скульптуры, ее содержимого и сопутствующих предметов продолжается, однако кое о чем можно рассказать уже сейчас.

Без преувеличения можно сказать, что у народов Сибири скульптура, в том числе антропоморфная, не оставляла человека на протяжении всей жизни,

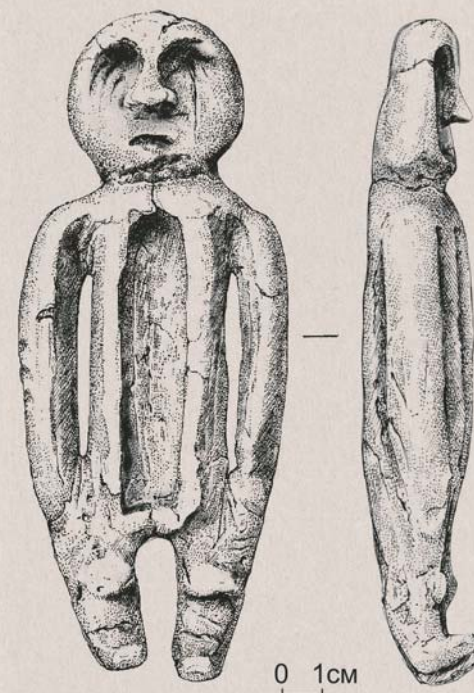
а порой и после смерти. Формирование этой традиции у сибирских аборигенов уходит в глубочайшую древность, что подтверждает наша находка. При этом семантика этнографической и тем более древней скульптуры и пластики Сибири на сегодняшний день не может считаться достаточно выясненной. По этой причине, вероятно, правильнее всего именовать эти предметы «скульптурой религиозного назначения», как предлагал крупный знаток сибирской этнографии, профессор С. В. Иванов (1970, с. 7).

Скульптура с наличием вместилища в туловище, аналогичная найденной нами, в археологических и этнографических комплексах встречается нечасто, да и имеющиеся параллели выглядят не абсолютными, а скорее семантически близкими. Это, к примеру, антропоморфный сосуд из древнейшего среднеазиатского поселения Саразм (Таджикистан), вырезанный из порфирита, который хранится в Государственном Эрмитаже (Молодин и др., 2020). Сосуд имеет человеческие голову и туловище в виде чашевидной емкости.

Вероятно, в этом ряду стоят и изображения антропоморфных духов, используемые енисейскими эвенками в качестве подвесок на шаманский костюм. Известны две такие металлические антропоморфные скульптуры (по размерам, кстати, сопоставимые с нашей находкой), у которых в передней части туловища есть продольная полость, вероятно, с аналогичной функцией (Иванов, 1970).

Следуя типологической схеме сибирской антропоморфной скульптуры, разработанной С. В. Ивановым, наш экземпляр относится к так называемому западно-сибирскому типу, широко встречающемуся у многих сибирских народов, прежде всего южных хантов, нганасан,

Глиняный «идол», как и погребенная женщина, был положен на живот, а голова отломана и помещена рядом с туловищем лицом вверх. Высота антропоморфной фигуры составляет 16,2 см. Туловище прямое, вытянутое, талия не намечена. Руки длинные, почти до колен, но непроработанные; массивные кисти напоминают лапы животного. Ноги непропорционально короткие, с рельефными коленями и ступнями. Признаки, указывающие на половую принадлежность, отсутствуют. Шея короткая, едва выраженная. Щеки наискось пересекают косые параллельные линии (три с одной стороны и одна – с другой), вероятно, изображающие татуировку. 2020 г. Усть-Тартас-1, -2

Так выглядела глиняная фигурка после извлечения из могилы и «возвращения» головы в первоначальное положение (слева). Вверху – детальная прорисовка. Рис. Е. Шумаковой

кетов и эвенков. Согласно этнографическим данным, у коренного населения Сибири изображение человека, выполненное из дерева, металла, кости или мягких материалов, воспринималось как одушевленное существо, наделенное частицей жизни того, кого оно изображало. Такие персонажи рассматривались их создателями как соучастники ритуальных действий, призванные помогать людям. По этой же причине фигурки было принято одевать, кормить и наделять особыми атрибутами.

Конечно, спектр идеологических представлений относительно скульптурных изображений человека был очень широк и многогранен. Более того, у разных народов они могли во многом различаться, но также и совпадать. Но всех их, по-видимому, объединяет общее начало, а именно духовная культура, именуемая шаманизмом, которую исповедовали далекие предки всех современных сибирских народов и зачатки которой уходят в глубокую древность.

Вообще антропоморфная скульптура в статичной позе, имеющая подобные пропорции, встречается в целом ряде культур эпохи раннего бронзового века Сибири. Хрестоматийные примеры можно найти в глазковской культуре Прибайкалья (Окладников, 1955). Вместе с тем иконография нашей находки несет

на себе черты, характерные исключительно для Западной Сибири. Например, нарочито удлиненные руки, достигающие практически до колен, что, вероятно, объясняется ритуальной одеждой, возможно, завершающейся на рукавах когтями. Такие одеяния мы находим у полихромных живописных изображений на саркофагах каракольской культуры Горного Алтая (Кубарев, 1988). К тому же на этих антропоморфах также надеты маски, как и на нашем глиняном «идоле».

Аналогии, демонстрирующие значимость еще одного элемента – татуировки в виде характерных параллельных полос через всю щеку, мы находим на целом ряде скульптурных изображений крохалева культуры эпохи ранней бронзы верхнего Приобья (Басова и др., 2019).

Все отмеченные черты еще раз подтверждают, что одиновская культура эпохи ранней бронзы, богатая памятниками пластического искусства, включающими антропоморфные, зооморфные, орнитоморфные образы, ничем не уступала соседствующим самусьской и окуневской культурам.

«Каждый имеет своего собственного болвана...»

Судя по этнографическим данным, мобильная скульптура была у угорского населения Сибири чрезвычайно популярна. Так, по словам ученого и этнографа XVIII в. В. Ф. Зуева (1947, с. 33), «...все в чуму, не включая баб и девок, каждый имеет своего собственного болвана, а иногда два и три, коих каждодневно по обычаю своему тешат <...> божков своих происхождение полагают от предков...». Речь идет о покровителях рода, или просто «предках».

Есть сведения, что после смерти любого члена рода делалось его скульптурное изображение, которое по истечению трех лет хоронили (Андреев, 1832). Размеры фигурок различались в зависимости от возраста усопшего (Ковалевский, 1853), а называли их мохар или итэрма (Чернецов, 1959). Одевали их в платье, шубы, снабжали украшениями (Гемуев, 1990).

К итэрма исследователи нередко относят такие находки, как деревянные антропоморфные фигурки, в том числе небольших размеров, формы которых переданы условно. Не следует, по-видимому, исключать, что к этому ряду относится и наша глиняная фигурка. Но возможна и иная версия. У манси имелись близкие по размерам деревянные скульптурки, которые были завернуты в скромные одежды. Эти фигурки назывались пубу и действительно напоминали итэрма, но служили родовыми предками (духами) (Гемуев, Сагалаев, 1986). Такие изображения были благожелательны к людям, избавляли их от болезней, и хранились в родовых жертвенных местах.

Среди обилия этнографической пластики малых форм можно провести еще одну близкую параллель «идолу» с Усть-Тартаса. Речь идет о Кара-май – скульптуре религиозного назначения, обнаруженной в Хакасии и также выполненной из глины (Иванов, 1979). Но между этими предметами есть и различия: у хакасской фигурки руки согнуты и прижаты к бедрам, схематично показан головной убор. Кара-май, о которой идет речь, была изготовлена в связи с болезнью ребенка, а после его выздоровления ее выбросили.

Подобные изображения бельтыры делали и при массовой смертности детей. По сообщению крупного отечественного этнографа Л. П. Потапова (1973), такие фигурки были характерны для переселившихся в Хакасию шорцев. Они представляли собой изображение злого женского духа Кара-май, который селился в доме и вызывал болезнь ребенка. В конкретном случае, описанном этнографом, шаманка для удаления злого духа велела сделать его изображение и спрятать под порогом дома.

Я далек от мысли, что обнаруженная нами глиняная фигурка – это злая Кара-май, и привожу этот пример лишь для того, чтобы показать, каким широким может быть спектр ее интерпретаций и как далеко мы бываем от подлинного воссоздания обрядовой практики древнего человека. Ведь несмотря на всю близость этнографических и археологических находок, их разделяют даже не столетия, а тысячелетия!

В медвежьей маске

Остановимся еще на некоторых параллелях и аналогиях, которые напрашиваются в результате изучения замечательной находки из Усть-Тартаса.

Во-первых, вспомним голову фигурки, которая была отломана и повернута лицом вниз. Здесь уместно вспомнить об обычае, который, по сведениям этнографов, был распространен среди некоторых сибирских народов: когда божок не приносил желаемой пользы, то хозяин бил его, мучил и увечил. Не потому ли лишился головы и наш «идол»?

Второе – маска на его лице, напоминающая морду медведя. У носителей одиновской культуры образ этого зверя был весьма популярен: пряжки в виде головы медведя встречаются в некоторых их погребальных комплексах (Молодин, 1994). Великолепные каменные изображения медведя имеются и на ожерелье молодой женщины, похороненной в одиновском могильнике Сопка-2/4А (Молодин, 2012).

В ряду таких явных тотемных символов фигурка с медвежьей маской не выглядит неожиданностью: она вполне может быть изображением тотемного предка носителей этой культуры. Кстати сказать, по представлениям обских угров, душа при четвертой реинкарнации приобретает облик животного-предка, и зооморфное наголовье означает наличие у ее носителя «родовой», связанной с тотемным предком души (Гемуев, Сагалаев, 1986).

На лицо глиняной фигурки была надета костяная маска, в которой угадывалась морда медведя. Образ этого животного был весьма популярен в одиновской культуре: изображения медведя имеются на некоторых предметах, обнаруженных в могильниках. И фигурка в медвежьей маске может представлять собой образ тотемного предка носителей этой культуры

Вообще почитание медведя было чрезвычайно популярно у обских угров. Думаю, достаточно будет напомнить, что медведь считался предком фратрии («братства») Пор (Чернецов, 1939). Так, среди опубликованных им антропо-зооморфных изображений предков, выгравированных на металлическом диске (I тыс. до н.э.), есть изображение женщины-медведя (Чернецов, 1971). А у селькупов медведь представлялся зверем, охранявшим выход из земли мертвых злых духов (Иванов, 1970). Не исключено, что именно поэтому лицо нашего идола покрывает медвежья маска.

У хантов маски, изготовленные из бересты и украшенные бляшками, использовали участники *медвежьего праздника* – главного обряда культа медведя, включающего охоту на него и ритуальное разделывание. Наряду с антропоморфными масками изготавливали и зооморфные, хотя данных о последних практически нет (Иванов, 1970). Миниатюрные берестяные маски «носили» и небольшие (высотой около 20 см) антропоморфные фигурки *путихов* (покровителей родов) обских угров. Путихи принимали участие в медвежьем празднике и ритуальных танцах (*Там же*). А у ненцев известна деревянная скульптура с железными «личинами».

Интересные данные, удивительным образом перекликающиеся с идолом из могильника Усть-Тартаса, мы находим у В. Н. Чернецова. Когда в 1936 г. он присутствовал на медвежьем празднике у манси, то стал свидетелем любопытной сцены. По окончании

праздника его участники не расходились, а пытались выяснить, кто подбивал их совершать неблагоприятные поступки. Осматривая друг друга, они «обнаружили» у кого-то за спиной две вымазанные кровью деревянные фигурки, изображающие мужчину и женщину. «Виновникам» был тут же вынесен приговор: их разрубили на части и бросили в костер (Иванов, 1970). Вспомним, что случилось с нашей глиняной скульптурой – ей оторвали голову!

Пока мы лишь приблизились к пониманию уникальной находки с Усть-Тартаса, но ее изучение продолжается. Я надеюсь, что наши коллеги-химики дадут ответ на вопрос: что, помимо бронзовой пластинки, содержал наш глиняный «идол»? От этого во многом зависят предлагаемые реконструкции и рабочие гипотезы.

Исследователи изучают и останки четырех погребенных людей – на многое смогут пролить свет данные антропологии и палеогенетики. Какие ответы и, главное, какие новые вопросы встанут перед нами? Ведь пока сделан только первый шаг к разгадке тайны, пусть и очень важный...

А на дворе уже 2021 г. Я очень надеюсь, что очередной полевой сезон состоится и будет так же щедр на новые открытия, которыми так богата древнейшая история Сибири.

Литература

Басова Н. В., Постнов А. В., Заика А. Л. и др. Предметы мобильного искусства из могильников эпохи бронзы на поселении Турист-2 // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2019. Т. 47. № 4.

Темуев И. Н. Мировоззрение Манси. Дом и Космос. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. 232 с.

Темуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народов манси. Культурные места (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1986. С. 192.

Иванов С. В. Скульптура народов Севера Сибири. XIX – первая половина XX в. Л.: Наука, 1970. С. 269.

Иванов С. В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. Л.: Наука, 1979. С. 194.

Молодин В. И. Оригинальные поясные пряжки эпохи развитой бронзы из Горного Алтая и Западно-Сибирской лесостепи // *Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая*. Новосибирск: Наука, 1994. С. 82–86.

Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Кобелева Л. С. и др. Продолжение раскопок грунтовых могильников эпохи бронзы в Барабинской лесостепи // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2020 г.* Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. Т. XXVI. С. 501–510.

Окладников А. П. Древние шаманские изображения из Восточной Сибири // *Советская археология*. 1948. Т. X. С. 203–225.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА № 43. М.; Л., 1955. Ч. III. 376 с.

Потапов Л. П. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // *Тюркологический сборник*. 1972. М.: Наука, 1973. С. 265–286.

Чернецов В. Н. Представление о душе у обских угров // *Исследования по вопросам первобытных религиозных верований*. Тр. И-та этнографии. М., 1959. Т. 51.

Чернецов В. Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // *Советская этнография*. 1939. Т. 2. С. 20–42.